

Мы много раз с замиранием сердца следили за великой Галиной Улановой, а потом и за блистательной Майей Плисецкой, когда они в финале известного танца «Умирающий лебедь» медленно опускались на помост сцены, складывали свои руки над низко опущенной головой и вытягивались в последнем движении к залу. Так необыкновенно умирал белый лебедь, уходя в неизвестность.

В память какой же конкретной птицы была написана музыка Камила Сен-Санса, придумана хореография к ней, сверкали своим талантом известные всему миру балерины? Была ли вообще эта птица, жила ли она на белом свете? Послушайте удивительную историю и решите сами.

Однажды осенью – а случилось это в середине девятнадцатого века – один вполне настоящий лебедь вместе с другими себе подобными летел из-за Онеги от наступающей зимы к тёплым морям. По преданиям древних греков когда-то точно таким же путем из Гипербореи на юг, а потом обратно, на своей воздушной колеснице, запряжённой лебедями, много раз летал и бог Аполлон.

По библейским преданиям, именно где-то здесь было видение архангела Михаила, а его самого и других архангелов люди всегда изображали с лебедиными крыльями. И вот наш лебедь, то ли наследник Аполлона и гиперборейцев, то ли вестник архангела, не долетел до тёплых морей и остановился на середине пути, чтобы передохнуть. Вокруг были свои, похожие на него. Тоже собратья. Все вместе они о чём-то молчали, словно безмолвные хранители чьих-то дум. Чуть поодаль от них копошились гуси, утки и другие перелётные птицы, которые тоже стремились на юг, но, в отличие от лебедей, много гоготали, крякали, словно люди на рынке. Верно сказал кто-то: устроили птичий базар.

И устремились к этому скопищу пера и пуха бывальные охотники. Таковых тогда много знали старые петербуржцы. Среди них и некто Александр Евстафьевич. Высокого роста, худощавый, в фуражке с козырьком – в нём тоже было что-то от лебедя.

Как известно, настоящие охотники не стреляют в лебедей. Больно уж красивая птица. Куда там какому-то павлину с его веером-хвостом. Ведь белый цвет – это цвет искренности и чистоты. Поэтому стрелять в хрупко белое – большой грех. Палили в тот раз в гусей да в уток. Но зазевался наш лебедь, замешкался, крылья-то вон какие огромные, и произошло непоправимое: дробь случайно попала в него, и закричал он жалобно от боли, заломив свои руки-крылья.

Что тут делать? Охотники советовали разное, но Александр Евстафьевич пожалел лебедя: ведь скоро зима, и погибнет красивая птица. Не спасут её ни камыши, ни берег еловый. И понес он её домой, в стольный град Питер.

По прибытии на место, лебедя враз обступили дети охотника. А их было много: пять дочерей и двое сыновей. Дочери все были в белых платьицах, белых гольфах и чувствовали своё родство с лебедем, на котором всё тоже было белое, но запачканное кровью.

Дети начали хлопотать вокруг птицы, готовить ей место для отдыха, необходимого после стольких переживаний. И отвели ему уголок на кухне. Тут и тепло, и разной снеди много, поэтому лучше-

го места и не сыскать. Опять же и строгая хозяйка квартиры не будет укоризненно смотреть на все его проделки за долгую зиму, которую ему придётся прожить вместе с ней и её детьми. Так и начался новый этап в жизни лебедя в самом центре столицы Российской империи.

— Эка невидаль — птица на кухне, — скажет кто-то, но ведь кухня та была не совсем обычна, поэтому не будем спешить с выводами.

Александр Евстафьевич служил в Дирекции императорских театров, играл в симфоническом оркестре и жил со своей семьёй на первом этаже дирекции в большой квартире. Само здание располагалось в центре города возле Императорского театра, хореографического училища и консерватории. Если смотреть с Невского проспекта, то как раз за театром. Ныне в этом здании музей театрального искусства. Именно сюда и попал наш горемыка. Он стал невольным свидетелем того, как многочисленное семейство Александра Евстафьевича по порядку, строго заведенному им и его супругой — внучкой известного шотландского историка и писателя — уже с самого утра начинало заниматься музыкой, пением, танцами и рисованием. Иногда лебедю удавалось не только слышать красивые звуки, доносящиеся из комнат, но и краем глаза наблюдать за всем в них происходящим.

Незадолго до этих событий в Париже, другой культурной столице Европы, уже начал блестать Шарль Гуно — композитор, автор духовной музыки и создатель французской лирической оперы. Среди его произведений хорошо известны «Ромео и Джульетта», «Фауст» и другие. Новые веяния, новая музыка... Но вот случилась беда: тяжело заболел и вскоре неожиданно для всех скончался Журбен — брат Шарля, талантливый французский архитектор. Произошло это весной, в апреле. Ш.Гуно в глубокой скорби и тоске, свято веря, что душа брата вознеслась в поднебесье, написал проникновенный романс, посвященный лебедю.

Иван Тургенев — молодой писатель из России и верный друг Шарля — находился тогда в Париже. Он встречался с Гуно почти каждый день и, как только мог, помогал ему ухаживать за братом, поддерживал его. После кончины Журбена Иван Сергеевич ещё некоторое время приезжал к Шарлю, а потом был вынужден покинуть Францию и отправиться в Россию. Через год из Парижа ему пришла посылка, а в ней ноты. Иван Сергеевич сразу же пошёл с ними к Александру Евстафьевичу, с которым был давно знаком по совместной охоте ещё в Орловском имении.

Всё получилось случайно: Иван Сергеевич раскрыл ноты, Александр Евстафьевич стал петь своим сиплым тенором, а его старшая дочь — играть на рояле. Младшие дети вместе с матерью сидели вокруг и внимательно слушали. На стенах горели свечи. Их пламя отражалось в глазах всех присутствующих. Тяжёлые белые шторы на окнах опускались до самого пола. Дверь в комнату была открыта. Звуки печальной музыки и пения разносились по всей квартире, проникая во все её уголки.

Вероятно, дошли они и до кухни, потому что вдруг на пороге в комнату показался наш лебедь. Он постоял немного и после некоторого колебания медленно направился прямо к роялю. Музыка продолжала звучать, а певец — петь. Лебедь же осторожно опустился возле него и стал слушать романс вместе со всеми. Его голова вначале задумчиво коснулась ножки рояля, а затем опустилась на белую грудь. Все замерли от изумления и не знали: то ли им продолжать слушать романс, то ли смотреть на лебедя. А он в это время, словно сам Журбен, с глубокой грустью слушал романс, сочиненный его братом, вспоминая весёлый Париж и своих друзей.

По окончании романса Иван Тургенев, волнуясь, лишь с большим трудом смог вымолвить:

— Такая музыка! Столько детей! И даже дикий лебедь слушает Вас!..

Возбуждённый писатель стал раскланиваться, и все пошли его провожать, а лебедь так и остался сидеть возле рояля. Никто тогда не заметил, что он остался там навсегда...

Казалось, что это не совсем обычное событие никак не отразилось на жизни его участников, и жизнь после кончины лебедя продолжалась своим чередом. Александр Евстафьевич каждый день ходил на службу в Дирекцию императорских театров и на репетиции симфонического оркестра, но рядом с ним в консерватории учился Петр Ильич Чайковский, который через некоторое время написал музыку к балету «Лебединое озеро». По первоначальному замыслу композитора, его главная героиня — дева-лебедь — в finale покидает своего возлюбленного и уходит в мир иной.

Писатель Иван Тургенев вскоре опять возвратился в Париж. Каждую неделю на четвергах у Полины Виардо он встречался с композитором Камилом Сен-Сансом, а тот, как всем известно, стал автором музыки к танцу «Умирающий лебедь»...

Шли годы. Уже не стало Александра Евстафьевича и Ивана Тургенева. Потом в один год почили Шарль Гуно и Петр Ильич Чайковский, но тогда же родился один из правнуков Александра Евстафьевича. То был мой дед. Он стал очевидцем балета «Лебединое озеро» в постановке Льва Иванова и Мариуса Петипа и танца «Умирающий лебедь» в исполнении Анны Павловой.

Получается, что она, а за ней и другие известные балерины в своем танце всегда невольно принимали образ вполне конкретного лебедя, который когда-то жил в нашей семье. Он сумел непостижимым образом объединить творчество Журбена и Шарля Гуно, Ивана Тургенева и Полины Виардо, Александра Берса и Ревекки Пинкертон, Петра Чайковского и Камила Сен-Санса, Льва Иванова и Мариуса Петипа, Майи Плисецкой и Анны Павловой. Сам же он превратился во что-то очень тонкое и неуловимое, до сих пор витающее над нашими головами. Не будь его, не было бы, верно, балета, танца, моего деда, меня и этого рассказа.

